

ЭТИМОЛОГИЯ

Л. В. Куркина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ РУССКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО УРАЛА НА СЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

Последние десятилетия отмечены выходом в свет новых диалектных словарей, материалы которых существенно расширяют базу диалектологических, историко-этимологических исследований. Вводимая в научный оборот диалектная лексика представляет интерес в разных аспектах. Трудно переоценить значение диалектных данных для восстановления в полном объеме словообразовательной, морфонологической, семантической структуры слова, для решения задач этимологизации и реконструкции славянских этимологических гнезд. Богатый лексический материал предоставляет в распоряжение исследователей «Словарь русских говоров Среднего Урала», подготовка которого проходила под руководством и непосредственным участии уважаемого юбиляра. Это одно из важнейших направлений научной деятельности кафедры русского языка и общего языкознания, возглавляемой А.К. Матвеевым. Мы уже имели возможность кратко осветить значение материалов «Словаря» в историко-этимологическом плане¹. В 1996 г. был опубликован большой по объему том «Дополнений», который содержит немало интересных лексико-семантических образований, требующих, с нашей точки зрения, особых комментариев. В составе словаря редкие архаизмы, слабо засвидетельствованные на славянской территории, слова неясные, с неотвеченной внутренней формой, многочисленны экспрессивные образования. Одна из задач историко-этимологических исследований состоит в определении генетических связей неясного слова, в восстановлении его принадлежности к тому или иному гнезду, что, в свою очередь, позволяет выявить недостающие звенья в цепи морфонологических и семантических преобразований и тем самым в более полном объеме восстановить состав отдельных этимологических гнезд. В настоящей статье мы остановимся на генетической характеристике лексико-семантических архаизмов, содержащихся в «Дополнениях» к семи опубликованным томам «Словаря русских говоров Среднего Урала».

Верѣдить 'сучить нитки, скручивать полосы ткани и т. п.' («Ненужну тряпку разорвут и на веретѣшко вередят») и связанные с ним *верѣжить* («Мать заставила верѣжить»), *верѣженье* 'скручивание ниток'. По нашим наблюдениям, этот глагол, омонимичный по отношению к *вредить*, отсутствует в областных словарях и в сводном «Словаре русских народных говоров». По этой причине названный глагол не попал в этимологические словари и не был еще предметом этимологического изучения. Между тем уральский диалектизм представляет большой интерес, поскольку отражает, видимо, один из фрагментов слабо засвидетельствованного, распавшегося этимологического гнезда с и.-е. корнем *u(e)r-ed-* 'склоняться, преклоняться, колебаться' (ср. ср.-в.-нем. *razzeln* 'поворачивать, крутить', лит. *ràsti* 'нахо-

¹ См. об этом: Куркина Л. В. Лексические архаизмы русских говоров Среднего Урала // Русская диалектная этимология: Тез. межвуз. науч. конф. Свердловск, 1991. С. 20–21.

дять', гот. *wraīþn* 'странствовать' [Pokorny, 1, 1153]). В славянских диалектах актуализируются разные аспекты сложного движения, лишённого четкой направленности, движения, предполагающего верчение, кручение и т. п. Одним из конкретных воплощений исходной основы является слав. **vьrd-*, семантика которого вбирает в себя все оттенки движения, все возможные преобразования исходного значения 'вертеться, крутиться' > 'уклоняться, увертываться', 'дернуться; отдернуться', 'слоняться, бродить': ср. с.-хорв. *врдати* 'вертеться, крутиться', перен. 'избегать, уклоняться (от работы); увёртываться', *врднути* 'отклониться', 'дернуться, отдернуться', перен. 'уклониться, увильнуть', с вставным *-н-* *врднати* 'прясть на большом веретене (грубую толстую пряжу)' (ср. Кад преде, *врднати*), 'бродить, слоняться', 'чесаться, царапаться' [РСА, 3, 32, 70; Толстой²; Skok, 3, 622], польск. *wardać się* 'слоняться', болг. *врьдъл'мся* 'валяться' [Геров, 1, 158], диал. *врьдъл'ъм* 'валяться в пыли', *врьдъл'ъм* 'кататься, валяться и пачкаться' [БД, 5, 14; 7, 23]. В результате семантической специализации стало возможным использование глагола в качестве термина прядения: ср. с.-хорв. *врднати*, рус. урал. *верёдить* 'прясть на большом веретене, т.е. грубо прясть'. В сербохорватском языке представлены и имена отглагольного происхождения: *врднѣл* 'колесо в воловьей упряжке, сделанное из пня или бревна', мн. 'повозка с такими колесам', 'старая, вышедшая из употребления вещь', *врднудл* 'сплошное колесо (без спиц и обода)', техн. 'маховое колесо, маховик'. На славянской территории находим образования с отражением в корне гласного в ступени *-о-*: рус. диал. *вородня* и *ско-вородня*, *ско-вородень* 'бревно, которое кладется в воду у борта барки и предохраняет её от столкновения с другой баркой', *ско-вородня* 'часть свинарника, в которой настлан пол', *вородун* 'одноколка'², яросл. *засковороденеть* 'затвердеть, загрубеть, стать жестким' [ЯОС, 4, 101]. По всей видимости, ту же исходную основу отражает и болг. *врадѹни* мн. 'повозка, телега', неоправданно относимое в «Этимологическом словаре болгарского языка» к заимствованиям нем. *Rad* [БЕР, 1, 179]. Обозначение колеса, бревна, предмета, с помощью которого осуществляются какие-то действия, мотивировано глагольной семантикой вращения, кручения, что в какой-то степени подтверждается семантическими отношениями в гнезде рус. *сучить* ~ *скасть* ~ *скалка*.

Уникальность среднеуральского диалектизма в том, что это единственный в своем роде архаизм, восполняющий недостающее звено с вокализмом *-е-* — **verd-* в восстанавливаемом морфологическом ряду. Лексический материал свидетельствует об общем направлении семантической специализации глагола в диалектах двух периферий — южной и северной.

Захардѹить 'присвоить что-л.' («Две книжки *захардили*»), вероятно, экспрессивное образование с основой **хъrd-* (с *х-* из *sk-*), может быть соотнесено с рядом диалектных образований, зафиксированных словарями на Севере и в Сибири: *захардѹить* 'заболеть, зачахнуть' (ср.-урал.), *захардяшный* 'захудалый' (тобол.), *захордѹиный* (урал.) [СРНГ, 11, 143, 160], *прохордѹнить* 'расходовать, издерживать деньги; нести убытки в чем-л.; тратить напрасно' (волог.), *нахарлѹ* нареч. 'нагло, бесцеремонно, нахально', 'против воли, силой, насильно' (иркут., тобол., тюмен., курган.) [СРНГ, 33, 35–36; 20, 256], *хордаты* 'толсто прясть' [Даль³, 4, 1220]. Из ближайших славянских соответствий назовем с.-хорв. диал. *hъrdati* 'бить, колотить', словен. *hъrdati* 'грызть', 'сильно бить' [ЭССЯ, 8, 147]. Истоки названных образований в гнезде слав. **skord-* / **skъrd-* (ср. рус. диал. *скородѹить пашню* 'бороновать', *скородѹа* 'борона' и *оскорд* 'секира, большой топор'), родственного лит. *skardyti* 'разгрызать, разрывать', 'толочь', лтш. *skārdīt* 'дробить, толочь'. Исходной семантикой 'бить, толочь' мотивированы

¹ Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII // Этимология, 1978. М., 1980. С. 19.

² Куркина Л. В. Славянские этимологии // Этимология, 1988–1990. М., 1993. С. 57–60.

значения 'грызть' (ср. рус. диал. *остебáть* 'стегать' и 'быстро, торопясь есть' [СРНГ, 24, 64]), 'грубо пряхть' и 'болеть, хиреть' (ср. рус. диал. *обрезáться* 'похудеть'). Глагол экспрессивно окрашен, что делает возможным переход к значению 'присвоить что-л.', семантически ср. *грести: сгребать: грабить: экспр. заграбастать*.

Захарлiть отмечен в том же значении, что и глагол *захардiть*, т. е. 'присвоить что-либо' («Захарлил деньги и не отдает»). В простой форме без префикса этот глагол находим у Даля: волог. *харлiть* 'жилить, оттягивать неправдой чужое', ср. *Харлёное* впрок не пойдет [Даль³, 4, 1168]. По данным СРНГ [11, 143], глагол *захарлiть* 'захватить, присвоить себе что-л.' (яросл., волог., арх., сев.-двин.) характеризует севернорусские говоры, тот же глагол с ударением на корне *захáрлiть* отмечен в значении 'начать хиреть' (смол.), 'затерять что-л. (обычно чужое)' (урал.). Для приведенных в словаре Фасмера диал. *харлiть, харлёное* с пометой «неясно» ставится под сомнение возможность связи с кашуб. *charłężyc* 'воровать', которое сближается Брюкнером с польск. *charleć, cherlać, chyrlać* 'хиреть, болеть' [Фасмер, 4, 224; Brückner, 176]. В других словарях русские диалектизмы не упоминаются. Рассмотрение русских слов на широком славянском фоне побуждает вернуться к отвергнутой Фасмером гипотезе. На наш взгляд, подключение русских диалектизмов не только расширяет поле исследования, но и позволяет с несколько иных позиций подойти к пониманию генетических связей кашубских лексем. В «Кашубском этимологическом словаре» глагол *charłężec* 'воровать с огородов и полей', 'работать до поздней ночи с целью получения наибольшей прибыли', 'просить милостыню, нищенствовать' объясняется как производное с основой **xьrl-* + *-oga*, ср. кашуб. *charłaga* 'вор в поле или в лесу; бродяжничество', а также польск. диал. *charłega* 'болезненный человек, человек, истощенный болезнью' < **xьrl-ega* [SEK, 2, 284–285]¹. Кашубский диалектизм рассматривается в окружении болг. *хвърля, хвърлям* 'бросать, бросить', ст.-чеш. *chřieti* 'бросать', словц. *chrliti* 'бросать, выбрасывать, извергать, сыпать', макед. *фрли* 'бросить', с.-хорв. *hrliti* 'торопиться, спешить' (с XV в.), *hrō, hrla* 'быстрый', чеш. *chřleti* 'торопиться', словен. *hrléti = frleti* 'летать', *hrlújati* 'состояние течки у кобылы' [Bezlej, 2, 203], для которых в ЭССЯ [8, 135] предполагается основанный на звукоподражании глагол **xьrliti* / **xьrl'ati*. При обосновании основного значения 'красть, присваивать' авторы «Кашубского словаря» исходят из первоначального 'спешить, торопиться' > 'спешить что-л. сделать', отсюда 'красть', при этом оставлена без объяснения та линия развития, которая привела к становлению значения 'слабый, болезненный (о человеке)'. Особенность основ, передающих звуковой образ движения, состоит в соотносительности с очень широким кругом денотатов, в процессе развития затемняется изначальная природа основы, образования начинают жить самостоятельной жизнью, подвергаясь переосмыслению в соответствии с действующими в языке семантическими моделями. Только звукоподражательной природой исходной основы можно объяснить разброс далеко отстоящих друг от друга значений: 'красть, присваивать', 'бросать', 'торопиться, спешить', 'быстрый', 'болезненное состояние'. В перечне сближаемых слов несколько особняком стоят слова, семантика которых строится вокруг значения 'болеть, хиреть': ср. польск. диал. *charłak* 'человек худой, изможденный болезнью; бедняк, нищий' [SEK, 2, 282], к ним примыкают отмеченные Брюкнером польск. диал. *charleć, cherlać, chyrlać* 'хиреть, болеть', а также, вероятно, кашуб. *charlatëna* 'тру-

¹ См. также: Popowska-Taborska H. Pewne zwodnicze argumenty leksykalne dotyczące dawnych związków słowiańsko-germańskich (1. *čędo*, psł. кашуб. *charłężec*) // *Etymologičeskie i kulturove związki Słowian z Germanami*. Wrocław, 1987. S. 65–74; Popowska-Taborska H., Boryś W. *Leksyka kaszubska na tle słowiańskim*. Warszawa, 1996. S. 262.

щоба, развалившийся дом' [SEK, 2, 282], в основе которых лежит образ физического и материального разрушения. Этот ряд могут дополнить слов. диал. *charlavi* 'пустой, сгнивший' [Orlovský, 112], рус. диал. (пск., твер.) *харлуша* 'нечеса' [Даль³, 4, 1168]. Что касается рус. диал. (смол.) *захарлуть* 'начать хиреть', то в этом случае не исключено влияние со стороны польского языка. Широта и расплывчатость семантики, отсутствие семантического стержня, т. е. те характеристики, которые лежат в основе предположения о звукоподражательном происхождении исходной основы, не исключают возможности иного истолкования лексем, сводимых в одно гнездо. Именно особенности рассматриваемой лексики делают вполне допустимым предположение об отсутствии этимологического тождества, разным происхождении сближаемых слов. Вполне возможно, что в составе сближаемых лексем переплелись, совпали продолжения разных основ, близких по форме, с частично пересекающимися значениями. На наш взгляд, на основе звукоподражания поддаются убедительному объяснению только глаголы с семантикой бросания (ср. чеш. *chrleti*, болг. *хвърля* и др.). Для остальных образований открытой остается возможность иного этимологического истолкования. Вполне допустимо предположение о том, что славянские образования со значением 'торопить(ся), спешить', 'старый, ветхий', 'болезненный; болеть, хиреть' сложились на основе и.-е. **sker-* / **skbr-* 'резать', расширенной суф. *-l-*. Возможность такой интерпретации поддерживается наличием регулярных структурных и семантических отношений в парадигме глаголов типа **čersti*, **derti*. Этим глаголам сопутствуют образования с основами **čbr-*, **dbr-* + суф. *-l-*: ср. болг. *чърля* 'лохматить, ерошить', диал. *чърли* 'космы' (Бернштейн), слав. **čbrslъ* в ст.-польск. *czyrśl* 'часть леса, в которой засохли деревья после того, как на их стволах кольцами была срезана кора' [ЭССЯ, 4, 159; SP, 2, 248]; слав. **dbrliti (se)*, **dbrlъ(jь)* со сходным кругом значений: 'драть' > 'быстрый, проворный' (ст.-чеш. *drlý* 'быстрый, проворный'), 'сердиться, хмуриться' (болг. диал. *дрълим* 'дуться, сердиться'), ср. еще с.-хорв. *дѣрав* 'стремительный, буйный, порывистый', словен. диал. *drāv* 'болезнь суставов' и т. п. [ЭССЯ, 5, 222–223, 219]. К значению 'болеть, хиреть' семантической аналогией может служить рус. диал. *обреза́ться* 'похудеть, отощать' [СРНГ, 22, 200]. Семантика движения резкого, неопределенно направленного могла стать отправной точкой развития значений 'резкий, быстрый' и 'красться, подкрадываться' > 'красть'.

В свете сказанного представляется необходимым отделить от продолжений звукоподражательного глагола **xvrl'ati* лексику, для которой вполне реальна реконструкция рано утраченного глагола ***skerti*, оставившего след в образованиях с корневым гласным в ступени редукции и суф. *-l-*. Весьма редкие русские диалектизмы помогают более определенно очертить контуры слабо засвидетельствованного, рано распавшегося этимологического гнезда. В процессе развития в силу утраты исходных мотивирующих связей произошло сближение, контаминация формально близких основ, в результате сформировалось новое лексическое гнездо.

Сыч. Не отмеченные Далем *сыч* 'излишне бойкий человек, вмешивающийся во все дела' (Парнишко – *сыч* прямо) и связанные с ним *сычовка*, ж. р. к *сыч* («Вот така *сычовка* растет»), *сычина*: *всякая сычина* 'всякая всячина' («Он на всяку *сычину* падкой») продолжают производное с суф. *-jь*, соотносительное с глаголом *сучить*, которое морфологически, чередованием корневого вокализма, связано с диал. (ср.-урал.) *скань*, *сканина* 'сдвоенная нить'. Истоки названных образований в гнезде слав. **suk-* / **sɔk-* / **syk-* [Фасмер, 3, 814].

Для многих диалектных слов не вполне очевидны родственные связи. Понять истоки слова невозможно без восстановления внутренней формы слова, нередко изначально-

го фонетического облика, затемненного поздними фонетическими процессами. Особые трудности связаны с определением генетических истоков экспрессивной лексики, поскольку выразительность этой лексики достигается использованием нерегулярных средств в фонетическом, словообразовательном оформлении слова. Внимание к лексическим архаизмам определяется еще и тем, что многие из них существенно расширяют традиционные представления о географии слова. Остановимся на характеристике некоторых слов, интересных с нашей точки зрения.

Блázи́ть 'помнить, вспоминать', *поблázи́ть* безл. 'показаться, померещиться', а также территориально близкое (перм.) *блázи́ть* 'мерещиться, видеться, представляться' [СРНГ, 2, 313] дают еще одно подтверждение основы **blaz-*, известной в славянских языках, как правило, в сочетании с суф. *-н-*: ср. слав. **blaznĕti* (ср. рус. диал. *блázнĕть* 'чудиться, мерещиться, представляться'), **blazniti* (ср. рус. диал. *блázнĭть* 'чудиться, казаться'), **blaznъ* (ср. др.-рус., рус.-цслав. диал. *блázнъ* 'заблуждение', 'соблазн') и т.д. (подробнее см. [ЭССЯ, 2, 103–107]). Та же основа без суф. *-н-*, родственная, по одной из версий, лат. *flagrum* 'бичь', *flāgitāre* 'бить, колотить, бранить', 'резко требовать' < и.-е. *bhlāg-*-, в рус.-цслав. *облазивый* 'самоуверенный, заносчивый, надменный' (Библи. Генн. 1499 г. и др. [СлРЯ XI–XVII в., 12, 65]), а также, возможно, в с.-хорв. *bláz* 'деликатность, нежность' [SP, 1, 255].

Верверѝ 'двери' («По-вашему двери, а по-нашему *верверѝ* называют»), вероятно, явилось результатом контаминации *двери* с диал. *верей* мн. 'ворота', *верей* 'косяк у дверей, ворот', ср. др.-рус. *верѣя* 'столб, на который навешивается створка ворот', укр. *верей* 'створка ворот', словен. *verēja* 'дверной косяк', производные с суф. *-ĕja* от глагола **verti* [Фасмер, 1, 298; ЭСБМ, 2, 90–91].

Захремѣ́ток, *захремѣ́ндыш* 'толстый, дородный человек', по всей видимости, в преобразованном виде содержит корневую морфему *(*s*)*krem-* (< *(*s*)*ker-* 'резать') с *x-* из *sk-* [ЭССЯ, 12, 185–186]. К продолжениям той же корневой морфемы относятся диал. *оскромѣ́ток* 'осколок, черепок, обломок', *оскромѣ́тка* 'искра', 'щепка, лучина', *оскромѣ́шек* 'изможденный, исхудавший человек' [СРНГ, 24, 18–19], новг. *оскромѣ́ток* 'осколок от полена дров: щепка', 'кусочек чего-л.', 'о физически слабо развитом человеке', *ошкрамѣ́ток* (*ошкромѣ́ток*) 'кусочек чего-л.', 'о человеке небольшого роста' [НОС, 7, 25, 80], укр. диал. *шкромѣ́тки* 'мелкие обрезки и обломки меди' и т. п. Не исключено, что в этот же ряд входит и рус. диал. *охрѣ́мка*, *охрѣ́мок* 'неразвитый, невоспитанный и малоподвижный человек' (перм., пенз.) [СРНГ, 25, 50], вероятно, из первоначального 'осколок, обрубок'¹.

Захребѣ́ть 'заболеть' («*Захребел* он скоро и помер»), а также *хребѣ́сть*, *хребѣ́сть* 'худой, тощий (о человеке)', вероятно, восходят через основу **skreb-* к **skrebtii* 'скрести'. Ср. диал. (зап.) *скрабануць* 'умереть' [Даль, 4, 208].

Зачерѣ́мь 'затвердеть' («Втупор земля сильно *зачерѣмела*»), по всей видимости, связано с прилаг. *черѣ́мый* 'смуглый' < **črťь*, ср. словен. *črt* 'воспаление, нарыв, карбункул' [ЭССЯ, 4, 52].

Зачѣ́челый 'худой, тощий' скорее всего восходит к прич. на *-l-* от сложения экспрессивного преф. **či-* с глаголом, продолжающим праслав. **ča-veděti*: ср. укр. *чав'ядіти* 'хиреть, чахнуть' [ЭССЯ, 4, 31].

Изжѣ́ль 'худой, заморенный, немощный человек', вероятно, из *изжѣ́дель* 'худой, тщедушный', сближено с *изжѣ́ль* в том же значении.

Кобѣ́нь 'часть деревянного плуга, с помощью которой регулируется глубина вспашки' расширяет круг продолжений основы **kob-*, родственной **skoba*: ср. диал. *ко-*

¹ Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. XV // Этимология 1985. М., 1988. С. 19–20.

би́ца ‘углубление в земле, используемое в качестве летней печи’, ‘выбоины от лошадиных копыт’, укр. диал. *коби́ця* ‘ножка старинной кровати’ и др. [ЭССЯ, 10, 91].

Сдеглі́ться ‘подойти (о тесте)’ («Как квашня *сдегли́ца*, так подбивам её») и бесприставочное диал. (сев.) *дья́лить* [СРНГ, 8, 305] являются, вероятно, производными от прич. на *-л-* (ср. пск., сев. *дья́лый* ‘сильный, здоровый; крепкий’) диал. глагол (новг., арх., север., помор.) *дья́нуть* (< **degnōti*), в круг значений которого входит значение ‘расти’ (*дьягни* – вырасти сразу, очень сильно) > ‘поднимать’. См. [ЭССЯ, 5, 26; SP, 3, 96]).

Уха́лка ‘ухарство’ («Вот *ухалка-то* чё делает!») вместе с диал. (волог., арх.) *уха́лка* в значении ‘молодец, удалец, буян, забияка; бойкая женщина’ [Даль, 4, 524], а также прилаг. *уха́льный* ‘сильно возбужденный’ [ЯОС, 10, 24], *ха́льный* ‘взятый наглостью, не добытый честным трудом’ (пск., твер.), *наха́ливаться* ‘поступать дерзко, назально’ и т. п. [СРНГ, 20, 255] принадлежит к гнезду слав. **xoliti* с отражением в корне гласного в степени удлинения: ср. рус. диал. *ху́лить* ‘стричь очень коротко’, ‘чистить’, *хо́ливаться* ‘мыться’, *хо́льный* ‘опрятный, чистый, аккуратный’, с.-хорв. *hóliti se* ‘вести себя надменно, заносчиво’ [ЭССЯ, 8, 17, 66, 61].

Ухамáзаться, ухамáздать ‘устать, утомиться’ («*Ухамаздала* я сегодня»), ‘издержать, потратить’ («Двести рублей ездила *ухамаздила*»), *ухомáздать* ‘утомить, замучить’ в экспрессивной форме, вероятно, продолжают основу *ском-*, ср. *скомъть* ‘болеть, ныть, шемить; жаловаться, тосковать, страдать’ [Даль³, 4, 201].

Чеба́ть ‘сбирать, сшибать’, а также *чебну́ть* ‘ударить’, *счебну́ть* ‘столкнуть’ [СРГСУ, 7, 20; 6, 81] отражает слав. **ščeb-* / **ščьb-*, вариант основы *(*s*)*kob-* / *(*s*)*keb-*, ср. рус. *скоба* и *щебен* [Фасмер, 4, 496–497].

Чули́н ‘холм, горка’ продолжает слабо засвидетельствованную на славянской территории основу **čьlрь* : ср. чеш. стар. *člur* ‘холм, бугор’ [ЭССЯ 4, 144; SP 2, 222].

Многие из лексических архаизмов, отмеченных не только на территории Среднего Урала, учтены в этимологической литературе. Уральские диалектизмы дополняют и расширяют состав засвидетельствованных лексико-семантических соответствий, позволяют полнее представить семантику слова. Для примера назовем глагол *зача́вереть* ‘загрязниться’, в простом виде без префикса *ча́вереть, ча́вереть, ча́верить* ‘вянуть, чахнуть, сохнуть’, *чівереть* экспр. ‘болеть долгое время, становиться хилым, хворым’ [СРГСУ, 7, 30], продолжающее слав. **ča-vьrěti*: ср. укр. *чіврїти* ‘чахнуть, хиреть’, блр. *чаўрыць* ‘сохнуть, вянуть’ и т. п. [ЭССЯ, 4, 32]. Вполне возможно, что к этому же гнезду принадлежит ср.-урал. *ушáверелой* ‘грязный, запачканный’, в структуре которого может быть выделен экспрессивный префикс *ша-*. Для диал. *захрédеть, захрédить, захирида́ть* ‘заболеть’, а также *хрédеть, хрédить, хередáть* ‘болеть’ установлена принадлежность к гнезду слав. **xrěd-*: ср. рус. диал. *хрэдéть* ‘худеть, хиреть’, *хрédить* ‘болеть (о человеке)’, *хридéть* ‘худеть, хворать, хиреть’ [ЭССЯ, 8, 93]. К ним, вероятно, примыкают диал. *óхредь, óхридь, óхрядь* ‘нечистоплотный, грязный человек или животное’, ‘глупый, недогадливый человек’ и т. п. [СРНГ, 25, 50]. К отражениям слав. **skerd-* / **skord-* относится урал. *щарéда* в значении ‘дети, подростки’, ср. с тем же значением перм. *щерéда*¹. Урал. *охиня́* ‘порча’ не отделимо от глагола *хънить* ‘осуждать, «хаять», *хънять* ‘долго болеть, чахнуть’ < слав. **xyniti*, ср. цслав. *хынити* decioere, с.-хорв. стар. *hiniti* ‘обманывать; притворяться, прикидываться’, словен. *hiniti* ‘обманывать’ [ЭССЯ, 8, 157] и т. д.

Лексика уральских говоров еще ждет всестороннего изучения. Но уже из приведенного материала видно, что в словарном составе русских говоров Среднего Урала пред-

¹ Меркулова В.А. Сталивый. Надуха. Понозырь. Скородь // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987. С. 211.

ставлен большой пласт древней лексики, унаследованной из эпохи праславянского языка. В отдельных случаях Средний Урал является единственной территорией, на которой функционируют редкие архаизмы, неизвестные русским говорам, слабо засвидетельствованные на славянской территории. Лексика русских говоров Среднего Урала обогащает наши знания о структуре и составе славянских этимологических гнезд.

С.А. Мызников

ЛЕКСИКА ФИННО-УГОРСКОГО И ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ (Разграничение и определение конечного источника)

Лексические пласты финно-угорского и тюркского происхождения составляют в русских диалектах основной массив слов неисконного происхождения. В большинстве случаев они фиксируются изолированно друг от друга, расходясь тематически и ареально. Кроме того, различен и статус этих двух иноязычных пластов в общерусской макроструктуре. Лексика финно-угорского происхождения вошла только в маргинальные севернорусские говоры со вторичным распространением в русских говорах Сибири. В стандартном языке утвердилось незначительное число слов из этой группы языков, в основном из коми языка: *чага, пельмени, тусс*¹. В русских говорах эта лексика на материнской территории Северо-Запада России довольно статична в пространстве, дифференцируясь ареально по различным производящим языковым (диалектным) типам, представляет большей частью лексический массив субстратного происхождения.

Тюркские лексемы в общенародном языке образуют огромный пласт², обычно общетюркского типа. И только в русских говорах можно выделить лексические единицы, в основе которых лежит живое адстратное влияние смежных тюркских языков, ср., например: рус. *антраш, антыра́к, аптарага́н* 'выражение озадаченности, недоумения, растерянности' (Башкирия), при тат., башк. *антыраш* 'растерянность, замешательство, затруднение'³. И если этот ряд слов чаще всего ареально ограничен, то большинство тюркизмов фиксируются по всей макроструктуре русских говоров. Такая свободная ареальная дистрибуция предполагает их квалификацию как заимствований. Работа над этимологией русских диалектных слов финно-угорского происхождения (традиционно трактующимися таковыми) в ряде случаев показала, что при поиске конечного источника тюркские и финно-угорские данные иногда близки по форме и семантике, при том, что они не являются результатами взаимовлияния⁴. Если ареал такого русского диалектного слова локализован на территории севернорусских говоров, то схожесть тюркских и финно-угорских материалов чаще всего не оказывает влияния на выработку этимологической версии, поскольку ограниченная дистрибуция в диалектно однотипном регионе, может быть использована в качестве ее верификации. Так, например, слово *арбу́й* 'колдун, языческий жрец', отмечаемое в псковских говорах [печор. пск – СРНГ; гдов – ПОС] (первая фиксация в Грамоте архиепископа Новгородского Макария в Водскую пятину

¹ См.: *Kalima J.* Syrjänsches Lehngut inrussischen // FUF. 1927. № 18. S. 1–56.

² См.: *Шунова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

³ Словарь русских говоров Башкирии. Уфа, 1992. Вып. 1. С. 4–5.

⁴ В задачу статьи не входит анализ тюркских заимствований в финно-угорских языках.